

ЭПИЛИКОВ МИРНЫЙ ДОГОВОР

Проблемы дипломатических отношений между греческими полисами и Персидской державой Ахеменидов в конце VI – середине IV в. до н.э. привлекают внимание исследователей лишь эпизодически, часто в связи с изучением наиболее важных событий в политической истории классической Греции¹. Начиная с середины XX в. наиболее оживленная дискуссия в литературе развернулась по поводу Каллиева мира, заключенного между Афинами и Персией в 449 г. до н.э. По мнению И.Е. Сурикова, работы о Каллиевом мире появлялись с периодичностью в среднем раз в два года². Наиболее обстоятельно были изучены спорные вопросы аутентичности этого соглашения, основные его условия, историческая ситуация, связанная с его заключением, и наиболее важные последствия³. Однако при таком пристальном внимании к Каллиевому миру другие греко-персидские договоры остаются практически вне поля зрения исследователей.

Вышесказанное прежде всего относится к Эпиликову мирному договору, который приходится на время напряженной борьбы Афин и Спарты за гегемонию в Греции в период Пелопоннесской войны. Этот договор относительно редко упоминается в современной отечественной литературе⁴. В работах зарубежных ученых он изучается, как правило, лишь в сопоставлении с Каллиевым миром⁵, хотя еще Р. фон Скала в 1898 г. и Г. Бенгстон в 1962 г. поместили сведения о нем в известные издания «Die Staatsverträge des Altertums»⁶. Лишь У. Томпсон и А. Бламайр в небольших по объему статьях специально рассматривают это соглашение⁷.

Эпиликов мирный договор поверхностно освещен и в источниках. Фукидид не упоминает о нем в своем труде, посвященном истории Пелопоннесской войны⁸, и только

¹ Специально о греко-персидских отношениях см. *Lonis R.* Les usages de la guerre entre grecs et barbares. De guerre mediques au milieu du IV siècle av. J.C. P., 1969; *Hegy D.* Die Formen und Auswirkungen der griechisch-persischen Beziehungen im 5. Jahrhundert v.u.Z. // Kultur und Fortschritt in der Blutezeit der griechischer Polis. B., 1985. S. 109–118.

² См. *Суриков И.Е.* Рец.: *Badian E.* From Plataea to Potidea: Studies in the History and Historiography of the Pentakontaetia. Baltimore–London, 1993 // ВДИ. 1996. № 3. С. 198.

³ См. *Строгоцкий В.М.* Проблема Каллиева мира и его значение для эволюции Афинского морского союза // ВДИ. 1991. № 2. С. 158–168. В статье же дан обзор различных точек зрения.

⁴ Единственное исключение представляет краткое упоминание об этом договоре в статье В.М. Строгоцкого (Ук. соч. С. 167).

⁵ *Wade-Gery H.T.* The Peace of Kallias // *Wade-Gery H.T.* Essays in Greek History. Oxf., 1958. P. 201 ff.; *Stockton D.* The Peace of Callias // *Historia*. Bd VIII. 1959. P. 61 ff.; *Andrewes A.* Thucydides and the Persians // *Historia*. 1961. Bd X. Ht 1. P. 3; *Mattingly H.B.* The Peace of Kallias // *Historia*. 1965. Bd XIV. Ht 3. P. 273 ff.; *Murison C.L.* The Peace of Callias: its Historical Context // *Phoenix*. 1971. V. XXV. № 1. P. 25 f.; *Meiggs R.* The Athenian Empire. L., 1972. P. 134 f.; *Holladay A.J.* The Detente of Kallias? // *Historia*. 1986. Bd XXXV. Ht 4. P. 505 f.; *Badian E.* The Peace of Callias // *JHS*. 1987. CVII. P. 26 ff.

⁶ *Scala R. von.* Die Staatsverträge des Altertums. Bd I. Lpz., 1898. № 80; *Bengtson H.* Die Verträge der griechisch-römischen Welt von 700 bis 338 v. Chr. Berlin – München, 1962. № 183.

⁷ *Thompson W.E.* The Athenian Treaties with Haliai and Dareios the Bastard // *Klio*. 1971. LIII. P. 119–124; *Blamire A.* Epilycus' Negotiation with Persia // *Phoenix*. 1975. XXIX. № 1. P. 21–26.

⁸ В литературе существует несколько точек зрения, объясняющих молчание Фукидида. По нашему мнению, Фукидид не мог получить достоверных сведений об Эпиликовом мирном договоре, так как с 424 г. до н.э. находился в изгнании и, вероятно, был ограничен в доступе к некоторым афинским документам.

Андокид говорит об этом договоре в речи «О мире с лакедемонянами», датируемой 392 г. до н.э. Он рассказывает, что его дядя Эпилик, сын Тисандра, был отправлен послом в Персию (ἑπρέσβευσεν Ἐπίλυκος Τηλοσίδρου): «Так, сначала мы заключили договор с великим царем... и условились с ним о дружбе на вечные времена. Переговоры об этом вел в качестве посла Эпилик, сын Тисандра, брат нашей матери. А после этого мы поддались на уговоры Аморга, царского раба и изгнанника, пренебрегли силой царя, как ничего не стоящей, и предпочли дружбу с Аморгом, решив, что она более выгодна. За это царь, рассердившись на нас, стал союзником лакедемонян и предоставил им пять тысяч талантов, чтобы они вели войну до тех пор, пока не сокрушат наше могущество» (Andoc. III. 29, пер. Э.Д. Фролова).

Сведения о жизни Эпилика очень скудны. Известно, что он происходил из знатного афинского рода Филаидов (Marcell. Vit. Thuc. 3). Сестра Эпилика вышла замуж за сына Перикла Ксантиппа, который умер молодым во время эпидемии чумы в Афинах около 429 г. до н.э. (Plut. Per. 36). Сам же Эпилик, по данным Андокида, был убит в Сицилии, вероятно, во время Сицилийской экспедиции афинян 415–413 гг. до н.э., оставив после себя двух молодых дочерей (Andoc. I. 117). Эти факты показывают, что он принадлежал к тому же поколению, что и сыновья Перикла⁹, и скорее всего пик его активной политической деятельности приходится на 420-е годы до н.э. Это подтверждает и эпиграфика. В афинской надписи, датируемой 424/3 г. до н.э., в первую притяганию Эпилик назван секретарем Совета (IG. I². 324.27)¹⁰.

Андокид не называет имени персидского царя, с которым Эпилик договаривался о мире. Но по контексту фрагмента речи ясно, что он подразумевает того же монарха, с которым афиняне позднее испортили отношения, поддержав мятежника Аморга и который затем заключил союз со спартанцами и оказал им финансовую помощь в борьбе с Афинами. Все эти события хорошо известны из труда Фукидида и показывают, что Андокид имеет в виду Дария II, вступившего на престол в конце 424 – начале 423 г. до н.э. Фукидид в восьмой книге четыре раза упоминает о мятеже Аморга (VIII. 5. 5; 19. 1; 28. 2–5; 54. 3) и приводит неопровержимые свидетельства, что Аморг, незаконнорожденный сын сатрапа Сард Писсуфна, восстал в Карии против Дария II около 412 г. до н.э. и пользовался военной поддержкой Афин (VIII. 28. 3; 54. 3). Таким образом, события, произошедшие уже после заключения мирного договора и изложенные Андокидом, соотносятся с тем, что известно о них из текста Фукидида. Вероятно, можно согласиться и с показанной оратором причинно-следственной связью: поддержка Афинами восставшего Аморга послужила для персидского царя достаточным поводом нарушить заключенный прежде мирный договор.

Между тем и Феопомп в своей «Истории Филиппа» упоминает договор, заключенный афинянами совместно с другими греками с неким персидским царем Дарием (αἱ πρὸς βασιλέα Δαρείου... συνθήκαι) (Theop. FGrHist. 115. F. 153). В современной литературе этот фрагмент Феопомпа вызвал неоднозначное толкование. Дело в том, что Феопомп, следуя устоявшейся традиции своего времени, поспешил объявить упомянутый им договор фальсификацией, тем самым наводя исследователей на мысль, что в оригинальном тексте историка подразумевается Каллиев мир (заключенный, как известно, не с Дарием, а с царем Артаксерксом I)¹¹. Подобное несоответ-

⁹ По мнению Й. Гофштеттера, Эпилик родился около 454 г. до н.э. (Hofstetter J. Die Griechen in Persien: Prosopographie der Griechen im Persischen Reich vor Alexander. В., 1978. S. 59. № 101). Об Эпилике см. также Kirchner J. Epilykos. № 2 // RE. Bd VI. Hlbd. 11. 1906. Sp. 158; *idem*. Prosopographia Attica. Berolini, 1901. № 4925 (далее – РА). В последней работе Й. Кирхнера см. также генеалогическое древо афинского рода, к которому принадлежал Андокид (№ 828).

¹⁰ Надпись датирована архонтом Исархом; в стк. 27 восстанавливается [Ἐπ]ιλ[υ]κος. См. Wade-Gery. Op. cit. P. 209.

¹¹ В следующих двух фрагментах по изданию Ф. Якоби Феопомп выступает против подлинности договора с варварами на том основании, что текст соглашения написан не аттическими буквами, а ионийскими, вошедшими в употребление в Афинах только при архонте Эвклиде (403/2 г. до н.э.) (Theop. FGrHist. 115. F. 154–155).

ствии привело к появлению множества мнений, весьма интересных и заслуживающих внимания: от утверждения об ошибке переписчика Феона¹² и до предположения, что Феопомп пользовался более поздней копией соглашения, или даже текстом самого Эпилика мирного договора, представлявшего собой возобновление условий Каллиева мира¹³. В связи с этим предположением высказывалась мысль также и о том, что стела с оригинальным текстом Каллиева мира ко времени Феопомпа (середина IV в. до н.э.) по какой-то причине не сохранилась. Но в силу действительно трудной интерпретации фрагмента хиосского историка, каждое из существующих мнений исследователей не может считаться полностью исключенным.

В качестве доказательства историчности соглашения исследователи привлекают также афинский декрет о предоставлении почестей некоему Гераклиду – объявлении его проксеном и эвергетом полиса, предоставлении ему земельного участка (γῆς ἔκτῆσι), дома в Афинах и ателии «как и другим проксенам» (IG. II². 8 = IG. I³. 227 = ML. 70). Документ содержит упоминание о помощи в составлении договора (σποιδαί), оказанной Гераклидом послам, возвратившимся от персидского царя в Афины¹⁴. В историографии утвердилась точка зрения, что афинское постановление в честь Гераклида представляет собой изготовленную в начале IV в. до н.э. копию декрета, принятого в последней трети V в. до н.э. Согласно заключению М. Уолбэнка, сделанному им после изучения дополнительного фрагмента надписи (IG. I². 65), афинский декрет воздает хвалу Гераклиду, уроженцу малоазийского города Клазомены – известному политическому деятелю Афин конца V – начала IV в. до н.э.¹⁵ Именно он мог быть как-то связан с посольством Эпилика в Персию. Правда, существующие данные о жизни Гераклида из Клазомен не позволяют прояснить дату декрета о предоставлении ему упомянутых выше почестей¹⁶.

Платон, а также более поздние авторы Элиан и Афиней называют его среди чужестранцев (ксенов) кизикенца Аполлодора и андросца Фаносфена, которые благодаря своим личным качествам неоднократно становились стратегами и занимали другие высшие должности Афин (Plat. Ion. 544 с; Aelian. V.H. XIV. 5; Athen. XI. 506 a). На их примерах Платон показывает, что афиняне часто избирали своим стратегом ксена (Ion. 544 с). Эти сообщения позволяют сделать вывод, что Гераклид-клазоменец начинал свою политическую деятельность в Афинах в качестве чужестранца, а затем, вероятно, ближе к концу V в. до н.э. получил гражданские права. В качестве *terminus ante quem* предоставления ему гражданства выступает проведенная им реформа опла-

¹² См. *Blamire*. Op. cit. P. 21. У. Коннор на основе палеографического анализа выступает против возможности искажения переписчиком смысла фрагмента Феопомпа, в котором упоминается договор с Дарием (*Connor W.R. Theopompus and Fourth Century Athens*. Camb. (Mass.), 1968. P. 78–89).

¹³ Э. Бэдиан, например, придерживается указанной точки зрения (*The Peace of Callias*. P. 28). Но еще Г.Б. Маттингли предполагал, что Феопомп видел стелу с текстом Эпилика мирного договора, высеченного на камне ионийскими буквами. По мнению исследователя, в заключении этого соглашения принимал участие не Каллий, сын Гипоника, а Каллий, сын Каллиада, – член Совета 424/423 г. до н.э. Это и послужило причиной определенной путаницы в сообщении хиосского историка (*Mattingly*. *The Peace of Callias*. P. 275).

¹⁴ Надпись предстает в разрушенном виде, однако сохранились фразы *οἱ ταῖ ρὰ βασιλέως ἦκ [οὔτες и ἔς τε τὰςσποιδάς* (сткк. 14–16). Общепринятое в науке прочтение разрушенных мест надписи базируется на восстановлении У. Кёлера (*Köhler U. Herakleides der Klazomenier* // *Hermes*. 1892. XXVII. S. 68 ff.). Первый издатель надписи П. Фукар полагал, что декрет упоминает Гераклида, уроженца Византия, а под «договорами» имеется в виду Анталкидов мир (*Foucart P.* // *VCH*. 1888. P. 163–169). Точку зрения Фукара восприняли Д. Стоктон и К. Майстер, причем Д. Стоктон высказал мнение, что «царем» в надписи назван не персидский царь, а фракийский – Севт или Медок (*Stockton*. Op. cit. P. 74–79; *Meister K.L. Die Ungeschichtlichkeit des Kalliasfriedens und deren historisches Folgen*. Wiesbaden, 1982. S. 79).

¹⁵ *Walbank M.B. Herakleides of Klazomenai: A New Join at the Epigraphical Museum* // *ZPE*. 1983. LI. P. 183 f. Исследователь восстановил рядом с именем не прочитываемый в основной части документа этникон: [‘Нракλ]εῖδο Γ [.....] | [προξέ]νo καὶ [εὐεργέ]το | [Κλαζο]μενίo. О том, что в надписи идет речь о Гераклиде из Клазомен, предположил еще У. Кёлер (см. прим. 14).

¹⁶ По мнению Й. Кирхнера, Гераклид получил проксению около 423 г. до н.э., а афинское гражданство – «после архонства Эвклида», т.е. 404/3 г. до н.э. (*post Euclidem archonten civitate Attica donatur*) (РА. № 6489).

ты за посещение экклесии – повышение ее размера с одного до двух оболов. Аристотель относит эту реформу к периоду после восстановления демократии в Афинах в 403 г. до н.э. (Ath. Pol. 41. 3).

Когда и сколь часто Гераклид избирался афинским стратегом, сказать трудно. Сохранившиеся сведения об афинских стратегах последней трети V – начала IV в. до н.э. ничего не говорят о Клазоменце. У. Карштедт предполагает, что Гераклид в период заключения Эпиликова мирного договора еще находился на персидской службе¹⁷. С этим мнением, однако, трудно согласиться. Исходя из содержания декрета представляется вероятным, что он уже в Афинах консультировал послов, возвратившихся от персидского царя с проектом мирного договора. Возможно, что именно знание персидских традиций, полученных им во время проживания в Клазоменах, придавало особую ценность его советам¹⁸. Отголоском некой связи Гераклида с Персией выступает упомянутое Аристотелем его прозвище – «царь» (ὁ βασιλεύς) (Ath. Pol. 41. 3).

Более точно датировать декрет в честь Гераклида позволяло изучение просопографии упомянутых в нем афинских должностных лиц. Впервые такое исследование предпринял Г. Уэйд-Гери. Он справедливо обратил внимание на то, что афинская надпись 424/3 г. до н.э., называющая Эпилика секретарем Совета в первую пританию, упоминает некоего Фукидида (Θ[ουκ]ιδίδης) в качестве казначея (ταμίης) (IG. I². 324. 25–7). Исследователь предположил, что этот человек мог быть тем Фукидидом, который, судя по тексту декрета, внес поправку к декрету о присуждении почестей Гераклиду из Клазомен (IG. I³. 227. 14)¹⁹. Кроме того, в некоторых афинских декретах конца 420-х годов до н.э. (в том числе и в афинской псефисме о союзе с Галиями) как секретарь Совета (γραμματεὺς) упоминается Неоклид (Νεοκλείδης) (IG. I². 25, 2–3; 87; 145, 5–6); он, по мнению Уэйд-Гери, исполнял должность эпистата во время принятия декрета в честь Гераклида (IG. I³. 227. 7). Указанных параллелей достаточно, чтобы установить, что все упомянутые документы принадлежат к одному времени – к концу 420-х годов до н.э.²⁰ Поэтому под термином σπουδαί в декрете в честь Гераклида может упоминаться именно Эпиликов мирный договор. Но едва ли возможно, следуя Г. Уэйд-Гери, определить точный год принятия декрета и, тем более, судить на этом основании о времени поездки Эпилика в Персию в качестве посла²¹.

Однако большинство историков, основываясь главным образом на этой реконструкции Уэйд-Гери, датируют Эпиликов мирный договор годом восшествия на престол Дария II – 424/3 г. до н.э.²² Иного мнения А. Раубичек, который предлагает в каче-

¹⁷ Kahrstedt U. Herakleides // RE. Bd VIII. Hlbd 15. 1912. Sp. 458.

¹⁸ О происхождении Гераклида см. Рунг Э.В. К истокам современных международных отношений (На примере греко-персидских отношений V–IV вв. до н.э.) // Античный мир и его судьба в последующие века. Докл. конф. М., 1996. С. 37.

¹⁹ Wade-Gery. Op. cit. P. 209; Blamire. Op. cit. P. 25; Hegyi D. Athen und die Achämeniden in der zweiten Hälfte des 5 Jahrhunderts v. u. Z // Oikumene. 1983. IV. S. 58.

²⁰ Правда, эта интерпретация оставляет некоторые вопросы неразрешенными. На один из них указал Г.Б. Маттингли. Так, фраза ὑπὲρ ἔγκτησι в декрете в честь Гераклида представляет собой формулу пожалования земельного участка, получившую распространение только в IV в. до н.э. По мнению исследователя, в единственной надписи конца V в. до н.э. (410 г. до н.э.), содержащей упоминание о награждении земельным участком, приводится иная формулировка (Mattingly H.B. Athens and Persia: Two Key Documents // Philologus. 1975. Bd CXIX. Ht 1. P. 48–51).

²¹ Реконструкцию Уэйд-Гери взяли за основу в своих исследованиях Эпиликова мирного договора А. Бламайр и Д. Хеди (Blamire. Op. cit. P. 24–25; Hegyi. Athen... S. 57). У. Томпсон, поддержав мнение Уэйд-Гери о том, что афинский декрет о союзе с Галиями принадлежит к тому же году, что и декрет в честь Гераклида, высказал сомнения в отношении традиционной даты декрета – 424/3 г. до н.э. (Op. cit. P. 119–123).

²² Schaefer H. Tissaphernes // RE. Suppl. IV. 1940. Sp. 1581; Olmstead A.T. The History of the Persian Empire (Achaemenid Period). Chicago, 1948. P. 357; Wade-Gery. Op. cit. P. 207–211; Andrewes. Op. cit. P. 3; Mattingly. The Peace of Kallias. P. 273 ff.; Will E. Le monde grec et l'Orient. Paris – Nancy, 1972. P. 363; Meiggs. Op. cit. P. 134 f.; Eddy S.K. The Cold War between Athens and Persia ca 448–412 B.C. // CIPH. LXVIII. № 3. 1973. P. 257; Hofstetter. Op. cit. S. 59. № 101; Zahrt M. Hellas unter Persischen Druck? // AKG. 1983. Bd LXV. Ht 2. P. 287;

стве *terminus ante quem* поездки Эпилика в Персию 415 до н.э. – год начала Сицилийской экспедиции афинян²³. А. Бламайр высказывается в пользу 422/1 г. до н.э. как времени окончательного заключения договора. Он полагает, что воцарение Дария II, поездка Эпилика в Сузы, сами переговоры, возвращение Эпилика в Афины, наконец, обсуждение договора в Совете и его ратификация эkkлeсией не могут укладываться в единственный 424/3 год до н.э.²⁴ У. Томпсон считает маловероятным, что афиняне могли в спешке вести переговоры с только что вступившим на престол Дарием; даже если и так, то Дарий II должен был стремиться добыть для себя столь возможно лучшие условия и согласиться на мир только тогда, когда Никиев мир 421 г. до н.э. между Афинами и Спартой прекратил войну в самой Греции и предоставил свободу действия афинянам на Востоке. На этом основании исследователь помещает договор между Афинами и Персией в диапазоне 424–418 гг. до г.э.²⁵ На мой взгляд, имеет смысл согласиться с А. Бламайром в том, что переговоры продолжались несколько лет, и принять его мнение: 424/3 г. до н.э. следует считать *terminus post quem* начала дипломатических переговоров с Персией. Хорошо известно, сколь продолжительным при случае могло оказаться пребывание греческих послов в Персии²⁶.

Фукидид не сообщает о каком-либо афинском посольстве к Дарию II. Тем не менее он рассказывает о событиях, которые могли непосредственно предшествовать заключению Эпиликова мирного договора. Согласно данным историка, еще зимой 425/4 г. до н.э. афинский стратег Аристид, сын Архиппа, посланный для сбора дани к союзникам, захватил в г. Эйоне на р. Стримон некоего перса Артаферна, направлявшегося от персидского царя в Спарту. Он переправил Артаферна в Афины, где царские письма перевели и прочитали. В частности, в них говорилось об отношении персидского царя к посольствам из Спарты и предлагалось спартанцам вместе с Артаферном отправить своих послов в Персию. Встревоженные полученными известиями, афиняне сами направили весной 424 г. до н.э. посольство вместе с Артаферном на триере в Эфес, видимо, намереваясь отступать совершить поездку ко двору персидского царя. Однако в Эфесе до них дошла весть о смерти Артаксеркса I, и афинские послы возвратились назад (Thuc. IV. 50. 1–3).

Накануне переговоров с новым царем Дарием II афиняне должны были учитывать династическую борьбу в Персии, в результате которой на персидском престоле практически в течение года сменилось два правителя: Ксеркс II, правивший только два месяца, и Секудиан, убитый Охом после семи месяцев царствования. Взойдя на престол, Ох принял тронное имя Дарий (Diod. XII. 64. 1; 71. 1; Ktesias, fr. 47–49)²⁷.

Walser G. *Hellas und Iran. Studien zu den griechisch-persischen Beziehungen vor Alexander*. Darmstadt, 1984. S. 67; Holladay. *Op. cit.* P. 505.

²³ Raubitschek A.E. *The Treaties between Persia nad Athens // GRBS*. 1964. V. P. 156 f.; Возражения см. Blamire. *Op. cit.* P. 25. Not. 22.

²⁴ Blamire. *Op. cit.* P. 25.

²⁵ Thompson. *Op. cit.* P. 123 f.

²⁶ Типичную ситуацию, связанную с продолжительностью афинской миссии в Персию, обрисовал Аристофан в комедии «Ахарняне», приурочивая отправление посольства из Афин к году архонта Евфимена – 437 г. до н.э.

Посланники вернулись от царя.

Отправили Вы нас к царю великому,

С тем, чтобы платить нам по 2 драхмы суточных,

В архонтство Эвфимена (Ag. Ach. 61 ff., пер. В.Н. Ярхо).

Согласно рассказу Аристофана, послы провели в Персии в общей сложности двенадцать лет; из них они четыре года затратили на дорогу, добираясь только до Суз, и восемь месяцев добивались приема царя. Послам было поручено привезти в Афины персидское золото (Ach. 103 ff.), но, в итоге, миссия оказалась безрезультатной. Судя по ироническому рассказу Аристофана, царь отказал афинянам в просьбе.

²⁷ О политической ситуации в Персии накануне и в первые годы царствования Дария II см. *Olmstead. Op. cit.* P. 356; *Lewis D.M. Sparta and Persia*. Leiden, 1977. P. 79–81; *Cook J.M. The Persian Empire*. L., 1983. P. 129; *Briant P. Histoire de l'Empire perse. De Cyrus a Alexandre*. P., 1996. P. 608 f.; *Дандамаев М.А. Политическая история Ахеменидской державы*. С. 195.

К сожалению, остается неясным, ожидали ли афиняне, когда в Персии наступит стабилизация политической ситуации, или же направили посольство с инструкциями вести переговоры с любым преемником Артаксеркса I. В любом случае они уже вскоре после возвращения своих послов из Эфеса решились повторить посольство, поставив перед ним задачу заключить мирный договор с новым персидским царем. Учитывая официальную цель посольства Эпилика в Персию, можно допустить, что при переговорах с царем Дарием II афинские послы вели речь о подтверждении основных условий Каллиева мира. Такое мнение наиболее часто встречается в современной литературе²⁸. Г. Уэйд-Гери предполагает, что договор мог быть дословным возобновлением прежнего соглашения о мире между Афинами и Персией – *verbatim renewal*²⁹. Сколь правомерно это суждение, мы рассмотрим ниже. Здесь же следует заметить, что именно политическая ситуация, связанная со сменой правителей в Персии, способствовала тому, что афино-персидские отношения требовали взаимного урегулирования.

Возобновление ранее заключенных мирных договоров было достаточно распространенным явлением как в межполисных отношениях в Греции, так и в греко-персидских отношениях V–IV вв. до н.э. Первое известие о стремлении греков подтвердить условия прежнего договора с Персией относится к истории Аргоса. Как сообщает Геродот, прибывшее в Сузы в середине V в. до н.э. посольство из Аргоса добивалось сохранения дружбы и союза с царем Артаксерксом I, установленных аргосцами с царем Ксерксом еще накануне Греко-персидских войн (Herod. VII. 151). Каллиев мир тоже повторял условия более раннего договора, заключенного примерно в 465 г. до н.э. после битвы при Евримедонте и военных действий Кимона против персов³⁰.

О распространенной практике возобновления договоров свидетельствуют также примеры и из истории IV в. до н.э. В 344/3 до н.э. царь Артаксеркс III Ох направил своих послов в Афины, желая сохранить с афинянами дружбу его отца (φιλικα[διαμένει]ν ἑαυτῶι τῆν πατρίαν) (Philoch. FGhN. 328 F. 157)³¹. Согласно этому эпизоду персидский царь не был полностью уверен в надежности договора, заключенного с греками его предшественником. В своем письме к Александру Македонскому (в изложении Арриана) Дарий III Кодоман упрекал македонского царя в том, что тот опустошает его владения вместо того, чтобы послать к нему послов утвердить дружбу и союз, которые заключил еще Филипп II с царем Артаксерксом III (Arr. II. 14. 2)³².

Все отмеченные факты подтверждают точку зрения, согласно которой греки и персидский царь испытывали взаимную заинтересованность в поддержании стабильных отношений, особенно после завершения войны. Однако трудно предположить, что имело место дословное возобновление условий Каллиева мира, как считает Г. Уэйд-Гери. Каллиев мир, завершивший состояние войны между Афинами и Персией, теперь, когда в Греции полным ходом шла Пелопоннесская война, не мог уже больше устраивать Афины. Он не содержал никаких условий, которые препятствовали бы Спарте и Персии вести взаимные переговоры, направленные на заключение антиафинского союза в период Архидамовой войны (431–421 гг. до н.э.)³³. О попытках

²⁸ Schaefer. Tissaphernes. Sp. 1581; Wade-Gery Op. cit. P. 211; Andrewes. Op. cit. P. 5; Will. Op. cit. P. 363; Eddy. Op. cit. P. 257; Hofstetter. Op. cit. S. 59. № 101; Badian. The Peace of Callias. P. 27.

²⁹ Wade-Gery. Op. cit. P. 211.

³⁰ Эту точку зрения см. Badian. From Plataea to Potidea... P. 1–72.

³¹ В этом фрагменте Филохора речь, вероятно, идет о стремлении Артаксеркса III Оха добиться возобновления условий Анталкидова мира; текст соглашения содержал, судя по надписям, упоминание о «дружбе», в которой поклялись персидский царь, афиняне, лакедемоняне и другие эллины (см., например, афинский декрет о союзе с Хиосом, датируемый периодом после 386 г. до н.э., – Ditt. Syll². 75. 5–7).

³² Этот эпизод подробно рассмотрен, в частности в ст.: Bloedow E.F. Diplomatic Negotiations between Darius and Alexander: Historical Implications of the First Phase at Marathus in Phoenicia in 333/332 B.C. // АНВ. 1995. IX. № 3–4. P. 93–110.

³³ Blamire. Op. cit. P. 22.

вести такие переговоры недвусмысленно свидетельствуют данные Фукидида. Еще летом 430 г. до н.э. спартанцы отправили в Сузы послов Анериста, Николая и Стратодема, чтобы побудить персидского царя оказать пелопоннесцам помощь деньгами и участием в войне (*χρήματα παρέχειν καὶ ξυμπόλεμειν*). Послы должны были, проследовав через Фракию на Геллеспонт, убедить даскилийского сатрапа Фарнака, сына Фарнабаза, проводить их в глубь Азии к царю (Thuc. II. 67. 1–4; ср. Herod. VII. 137). Вместе с представителями Спарты совершить поездку в Персию имели намерение и послы спартанских союзников: коринфянин Аристей и тегеец Тимагор. И хотя это посольство завершилось неудачей (задержанием и казнью послов в Афинах), спартанцы не прекращали попыток установить дипломатические контакты с Персией: такой вывод можно сделать из содержания письма Артаксеркса I спартанцам, изложенного Фукидидом (IV. 50. 2). Упомянутая уже поездка Артаферна в Спарту может свидетельствовать о заинтересованности персидского царя в более тесных отношениях с противниками Афин.

Таким образом, афиняне могли опасаться возникновения конфликта с персами в неблагоприятных для себя политических условиях³⁴. Их государство было истощено после эпидемии чумы. С начала войны территория Аттики периодически опустошалась спартанскими войсками под руководством царя Архидама. В 424 г. до н.э. беотийцы нанесли поражение афинянам при Делии (Thuc. IV. 89–96). В то же время спартанский военачальник Брасид угрожал владениям афинян во Фракии (Thuc. IV. 78), а два года спустя разгромил афинские войска при Амфиполе (Thuc. V. 16). Именно в этой ситуации в Афинах могло быть принято решение снарядить посольство в Сузы. Поэтому Эпиликов мирный договор должен был отражать изменившиеся с 449 г. до н.э. реалии международной ситуации в Восточном Средиземноморье.

Дарий II также было весьма выгодно заручиться миром с Афинами³⁵. Устранив своего преемственника Секудиана и вступив на престол, Дарий оказался перед лицом сложной внутривосточной ситуации. В течение ряда лет он вынужден был бороться с мятежниками в сатрапиях: со своим родным братом Арситом, с Артифием, сыном Мегабиза, и, наконец, с сатрапом Сард Писсуфном³⁶. Артифий, победив в двух сражениях, только в третьей битве был разгромлен войсками царского военачальника Артасира, что вынудило его прекратить сопротивление, заключив соглашение с Дарием (Ktesias, fr. 50). Вслед за этим восстание против царя поднял Писсуфн, сын Гистаспа³⁷, заручившись поддержкой эллинских наемников под командованием афинянина Ликона³⁸. Угроза, которую представлял Писсуфн, была столь значительна, что

³⁴ Hegyi. Athen... S. 58.

³⁵ Lewis. Op. cit. P. 77.

³⁶ О Писсуфне см. также Balcer J.M. A Prosopographical Study of the Ancient Persians Royal and Noble ca. 550–450 B.C. Lewison, 1993. P. 105. № 80; Рунг Э.В. Античные историки о происхождении и родственных связях Тиссаферна // Античность: события и исследователи. Казань, 1999. С. 62–63.

³⁷ Одни ученые относят мятеж Писсуфна к первым годам правления Дария II – к 421 или 420 г. до н.э. (Beloch K.J. Griechische Geschichte. Bd II. Abt. 1. B.–Lpz, 1927. S. 377; Schaefer. Tissaphernes. Sp. 1580; idem. Pissuthnes // RE. Hlbd. 40. 1950. Sp. 1808; Wade-Gery. Op. cit. P. 222; Westlake H.D. Athens and Amorges // Phoenix. 1977. V. 31. № 3. P. 321; Lewis. Op. cit. P. 80–81). Другие исследователи датируют это событие более поздним временем, пытаются связать его с мятежом Аморга в Кариин (Olmstead. Op. cit. P. 358 ff.; Eddy. Op. cit. P. 257). Однако, по мнению С. Ружички, Писсуфн восстал уже вскоре после начала царствования Дария, а Аморг затем продолжил мятеж своего отца (Ruzicka S. Politics of a Persian Dynasty. Norman – London, 1992. P. 9–10). В 413 г. до н.э. Тиссаферн, получивший за участие в подавлении мятежа Писсуфна сатрапию Сарды (Ktesias, fr. 52), имел царский приказ привести Аморга живым или убить его (Thuc. V. 5. 5).

³⁸ По мнению некоторых ученых, Писсуфн пользовался поддержкой Афин. В качестве подтверждения этого приводится факт афинского происхождения Ликона. Например, С.К. Эдди видит в эллинах, руководимых Ликоном, афинский контингент, а в самом Ликоне – афинского стратега, откликнувшегося на обращение Аморга за помощью к Афинам (Eddy. Op. cit. P. 257). Предположение Эдди не находит подтверждения в источниках (в отношении афинского происхождения Ликона см. Andrewes. Op. cit. P. 4. Not. 10; Westlake. Op. cit. P. 321. Not. 8). Кроме того, действия Ликона были более типичны именно для наемника, чем для афинского стратега. Он, по данным Ктесия, перешел на сторону противников Писсуфна и

персидский царь направил против этого сатрапа трех своих военачальников: Тиссаферна, Спифридата и Пармиса (Ktesias, fr. 52). Не исключено, что военные действия во время этих событий происходили поблизости от городов Малой Азии, входивших в Афинский морской союз. Поэтому Дарий II должен был стремиться, используя договор, избежать возникновения конфликта с Афинами. Уже имели место отдельные инциденты, свидетельствующие о том, что даже после Каллиева мира отношения между афинянами и персами были далеко не стабильными. Показателен эпизод, произошедший в 430 г. до н.э. и связанный с захватом персидским наместником Итаманом Колофона (ионийского города), который уже в течение нескольких десятилетий исправно вносил форос в афинскую общесоюзную казну (Thuc. III. 34. 1)³⁹. Пути урегулирования афино-персидских взаимоотношений раскрывают основные условия Эпиликова мирного договора, изложенные Андокидом.

По словам оратора, афиняне с Великим царем «заключили договор и установили дружбу на вечные времена» (βασιλεῖ τῷ μεγάλῳ... σπονδὰς ποιησάμενοι καὶ συνθήμενοι φίλων εἰς τὸν ἅπαντα χρόνον) (Andoc. III. 29).

В классической Греции термином σπονδαὶ обычно назывался мирный договор. Он происходит от глагола σπέωδω, в первоначальном значении – «совершать возлияние», «приносить жертву». Как известно, процесс заключения договоров с древних времен носил религиозную окраску и был своеобразным ритуалом, когда принесение клятв сопровождалось жертвоприношениями. М. Амит и Э. Леви правомерно считают, что в источниках σπονδαὶ чаще всего встречается для обозначения договора, прекращавшего на определенный период военные действия между сторонами⁴⁰. С другой стороны, термин σπονδαὶ в рассматриваемый период служил еще и эквивалентом εἰρήνη, наиболее часто употреблявшегося в межгосударственных соглашениях в Греции в IV в. до н.э., особенно в связи с развитием концепции «общего мира» (κοινὴ εἰρήνη)⁴¹. В качестве σπονδαὶ Фукидид определяет пятилетний мир между Афинами и Спартой 453 г. до н.э. (I. 112. 1), тридцатилетний мир между Спартой и Аргосом 451 г. до н.э. (V. 14. 4), тридцатилетний мир между Афинами и Спартой 446 г. до н.э. (I. 115. 1), пятидесятилетний Никиев мир 421 г. до н.э. (V. 18. 1). Взаимозаменяемость двух терминов отразилась и в лексике Андокида. В той же речи «О мире с лакедемонянами», в которой он упоминает посольство Эпилика и договор с персидским царем, афинский оратор употребляет оба термина при рассказе о пятилетнем мире между Афинами и Спартой (Andoc. III. 3)⁴². В то же время Андокид предпринимает попытку как-то разграничить понятия «мирный договор» (σπονδαὶ) и собственно «мир» (εἰρήνη), противопоставив одно другому: «Ведь мир и мирный договор отнюдь не одно и то же; мир заключают на равных условиях те, кто пришел к соглашению относительно предмета спора; мирный договор диктуют после победы на войне победители побежденным» (Andoc. III. 11, пер. Э.Д. Фролова). Правда, это противопоставление имеет непосредственную привязку к конкретной исторической ситуации, в которой был заключен в 404 г. до н.э. договор (σπονδαὶ), зафиксировавший условия капитуляции Афин в конце Пелопоннесской войны (Andoc. I. 80).

Выражение σπονδαὶ καὶ φίλα, примененное Андокидом при описании Эпиликова мирного договора, также было весьма устойчивым словосочетанием в греческой международно-правовой терминологии⁴³. Особенно примечательным является провозгла-

получил за свое «предательство» (ὑπὲρ τῆς προδόσεως) города и земли в Азии (Ktesias, fr. 52).

³⁹ См., например: *Descat R. Colophon et la pax d'Épilykos // Erol Atalay Memorial / Ed. H. Malay. Izmir, 1990. P. 33–39.*

⁴⁰ *Amit M. Le traité de Chalcedoine entre Pharnabaze et les strateges atheniens // AC. 1973. XLII. P. 442; Levy É. Les trois traités entre Sparte et le Roi // BCH. 1983. CVII. № 1. P. 228–229.*

⁴¹ Об этой концепции см. подробнее: *Payrau S. ΕΙΡΗΝΙΚΑ. Considérations sur l'échec de quelques tentatives panhelléniques au IVe siècle avant Jésus-Christ // REA. 1971. LXXIII. № 1. P. 24–79.*

⁴² Термином εἰρήνη она называет тридцатилетний мир между Афинами и Спартой и Никиев мир (Andoc. III. 6, 8), т.е. те договоры, которые Фукидид именует σπονδαὶ.

⁴³ Об этом см. *Кацеев В.И. Эллинистический мир и Рим: война, мир и дипломатия в 220–146 гг. до н.э.*

шение в договоре дружбы «на вечные времена» (εἰς τὸν ἄπαντα χρόνον). Это придавало новые черты соглашению афинян и Дария II, отличающие его от Каллиева мира 449 г. до н.э., так думает А. Бламайр⁴⁴. Иначе считает Э. Бэдиан⁴⁵: не существует никаких причин сомневаться, что «дружба» между персидским царем и Афинами была особенностью первоначальных условий, обговоренных еще Каллием. Однако точка зрения Бэдиана не достаточно убедительна. Трудно представить, что дружба «на вечные времена» была возможной в условиях, когда мирный договор был заключен с целью прекращения военных действий: Каллиев мир, по данным Диодора, содержал статью о выводе афинских войск с Кипра (Diod. XII. 4. 5.). Кроме того, Бэдиан, по-видимому, не прав, думая, что сохранилось официальное наименование Каллиева мира. Аристодем и Суда называют договор 449 г. до н.э. термином σπονδαί, но при этом ничего не говорят об установлении дружбы (φιλία) между персидским царем Артаксерксом I и Афинами⁴⁶. Уместно предположить, что пункт о дружбе на вечные времена был введен в текст нового соглашения только в ходе переговоров Эпилика. В случае выполнения обеими сторонами этого пункта афино-персидские отношения должны были значительно укрепиться⁴⁷.

Некоторые исследователи видят в Эпиликовом мирном договоре все элементы союза Афин и Персии: такого мнения придерживаются М. Амит, У. Томпсон и Д. Льюис⁴⁸. Следует, однако, заметить, что в данном отрывке у Андокида отсутствует определяющий термин συμμαχία, которым в Греции обычно обозначались союзные договоры. Например, сохранившееся в надписи одно из первых союзных соглашений в греческой истории – договор между Элидой и Гереей середины VI в. до н.э. – провозглашало «союз на сто лет» (συμμαχία κ' εἶς ἑκατὸν ἔτεα) (Ditt. Syll³. 9 = ML. 17. 2). Упоминание о заключении симмахии и принесении клятвы содержат договоры Афин с Регием и Леонтинами 433/2 г. до н.э. (IG. I². 51–52). В нарративных источниках, в частности у Фукидида, союзные договоры чаще всего также называются симмахией (см. Thuc. I. 102. 4; V. 23. 1). Как известно, симмахии были типично военными соглашениями, заключенными государствами для борьбы с общим врагом. Против Афин были направлены договоры спартанцев с сатрапом Тиссаферном и персидским царем Дарием II в 412–411 гг. до н.э. (Thuc. VIII. 18. 1–3; 37. 1–5; 58. 1–7). И поэтому первый договор, заключенный спартанцем Халкидеем в Милете осенью 412 г. до н.э., Фукидид правомерно называет συμμαχία (VIII. 18. 1). Имеющиеся же данные об Эпиликовом мирном договоре не позволяют сделать вывод, что он в целом был направлен против Спарты; хотя отдельные статьи его могли носить антиспартанский характер.

Термины договора, названные Андокидом при рассказе об Эпиликовом мирном договоре, наверняка были почерпнуты оратором из несохранившегося до нашего времени текста соглашения. В частности, оратор мог использовать в своей речи какие-то документы из семейного архива. В той же речи «О мире с лакедемонянами» он повествует о заключении тридцатилетнего мира между Афинами и Спартой в 446 г. до н.э., переговоры о котором в составе десяти послов-автократоров вел его дед Андокид (Andoc. III. 6). Таким образом, упомянутое оратором посольство Эпилика было не единственным, в котором участвовали его родственники. Следует заметить также:

М., 1993. С. 214 сл. Подобным образом и во втором договоре Спарты и персидского царя Дария II, заключенном осенью 412 г. до н.э., провозглашаются σπονδαί καὶ φιλία (Thuc. VIII. 37. 1).

⁴⁴ Blamire. Op. cit. P. 22. Not. 7.

⁴⁵ Badian. The peace of Callias. P. 26: «we certainly have no good reason to believe Andocides, but neither is there any good reason to doubt that 'friendship' was a feature of the original terms negotiated by Callias».

⁴⁶ Ср., например: Aristodem. FGtHist. 104. F. 1. 13. 2: ἐγένοντο δὲ αἱ σπονδαὶ ἐπὶ τοῖσδε; Suid. s.v. Καλλίας. Диодор называет Каллиев мир συνθήκαι περὶ τῆς εἰρήνης (Diod. XII. 4. 5).

⁴⁷ Специально рассмотрел варианты употребления слова φιλία Д. Констан (Konstan D. Greek Friendship // AJPh. 1996. CXVII. № 1. P. 71–94), однако не коснулся проблем межгосударственных отношений.

⁴⁸ Amit M. Peace Treaty between Sparta and Persia // RSA. 1974. IV. P. 60; Thompson. Op. cit. P. 124; Lewis. Op. cit. P. 77.

бытующее в историографии мнение о том, будто Андокид весьма небрежно относился к изложению в своих речах исторических фактов⁴⁹, не может быть сильным аргументом против аутентичности его рассказа об Эпиликовом договоре. Даже будучи слабо осведомленным об общем развитии событий в Элладе, оратор мог обладать достоверной информацией, касающейся истории своего рода, тем более, что сам Андокид, очевидно, был свидетелем заключения данного соглашения.

Другие условия Эпиликова мирного договора, более подробно определяющие принципы, на которых строились взаимоотношения Афин и Персии, нам не известны⁵⁰. Вероятно, сохраняли свою силу статьи о том, что азиатские греческие города являются автономными, персы подтверждали свои обязательства не приближаться к малоазийскому побережью и не вводить свои боевые корабли в Эгейское море далее Хелидонских островов и Фаселиды в Памфилии и Кианейских скал у входа в Боспор⁵¹. В свою очередь афиняне обязались не выступать походом на земли, подвластные персидскому царю. Однако, по сравнению с Каллиевым миром, не исключены некоторые дополнительные условия в новом соглашении, определявшие его спецификой как договора о дружбе. Возможно, афиняне потребовали от персидского царя не вступать в переговоры и не оказывать помощь Спарте, взамен чего обязались не поддерживать восставших против него. Обязательство не оказывать помощи мятежным сатрапам дали и спартанцы в своем союзном договоре с персидским царем Дарием II, заключенном в Милете осенью 412 г. до н.э. (Thuc. VIII. 18. 3).

Теперь рассмотрим ситуацию, связанную с денонсированием Эпиликова мирного договора. Об этом также говорит Андокид, называя основной причиной, почему персидский царь обратился против Афин, военную поддержку афинянами мятежника Аморга. Как уже указывалось, это мнение следует признать верным. Помимо Андокида, существование официального соглашения между афинянами и Аморгом удостоверяет также Фукидид. Он свидетельствует о том, что в 412 г. до н.э. афинский стратег Фриних, которому была поручена забота о безопасности Аморга, был отрешен от должности по обвинению, что предал врагу Иас и обманул Аморга (Ἰάσον προδοῦναι καὶ Ἀμόρῳ διέβαλεν) (Thuc. VIII. 54. 3). Не вызывает сомнений, что стратег Фриних, когда оказывал вооруженную помощь Аморгу, действовал по поручению афинского правительства⁵².

В решении афинян оказать непосредственную поддержку Аморгу переплетались самые различные по своей природе факторы. В частности, после Никиева мира 421 г. до н.э. и вплоть до Сицилийской экспедиции афиняне не были вовлечены в какие-либо крупномасштабные боевые действия и могли обладать вполне реальной возможностью для пересмотра своей политики в отношении Персии.

⁴⁹ См., например: *Albini U. Andocide. De Pace. Firenze, 1964. P. 17.* Скептическое отношение к сведениям Андокида проявляют также К. Мьюризон, Г. Уэстлейк и Д. Кэган (*Murison. Op. cit. P. 24; Westlake. Op. cit. P. 325–326; Kagan D. The Fall of the Athenian Empire. N.Y., 1987. P. 30–31*). Однако, если Мьюризон вообще отрицает историчность Эпиликова мирного договора, то Уэстлейк отмечает, что отдельные факты, записанные Андокидом, кажутся достаточно аутентичными. К ним исследователь относит Эпиликов договор, афинское сотрудничество с Аморгом, персидский союз со Спартой, выплату персидских субсидий и их роль в поражении Афин в войне. Об Андокиде специально см. *Missiou A. The Subversive Oratory of Andokides. Politics, Ideology and Decision-Making in Democratic Athens. Camb., 1992.*

⁵⁰ Г.Б. Маттингли, доказывая, что в 424/3 г. до н.э. Афины были способны вести переговоры с Персией с позиции силы, относит все ограничения, наложенные на Персию по условиям Каллиева мира, к Эпиликовому мирному договору (The Peace of Kallias. P. 273 ff.). А.Дж. Холлэдэй полагает, что поскольку мирный договор заявлял в самых общих выражениях вечную дружбу, то совершенно неуместно было предъявлять ограничения персидскому царю (Op. cit. P. 506).

⁵¹ О том, что эта статья сохранялась, свидетельствуют мирные переговоры афинских послов во главе с Писандром и сатрапа Тиссаферна в 411 г. до н.э. Попытки Алквиада от имени Тиссаферна добиться от афинян разрешения персидскому царю строить корабли и плавать вдоль своей земли там, где он желает и с каким угодно количеством кораблей, натолкнулись на сильное сопротивление афинских послов (Thuc. VIII. 56. 4).

⁵² *Wade-Gery. Op. cit. P. 223; Andrewes. Op. cit. P. 5; Westlake. Op. cit. P. 323; Holladay. Op. cit. P. 505.*

Память об опустошении персами Афин во время Греко-персидских войн была столь сильна в афинском обществе, что по словам Исократ, и в IV в. до н.э. существовала традиция, прежде чем обсуждать любое дело в народном собрании, возглашать проклятие тому, кто предложит вступить в переговоры с персами (Isocr. IV. 57). Поэтому антиперсидские настроения, пожалуй, могли оказать очень сильное влияние на решение афинского народного собрания установить дружественные и союзнические отношения с врагами персидского царя. С другой стороны, не малозначимым фактором были также стратегические соображения афинян. Иония и Кария, основные очаги восстания Аморга, были важными податными округами Афинской морской державы, но нерегулярность поступления фороса в казну вызывала серьезное беспокойство афинян. Показателем этого были неоднократные афинские экспедиции к побережью Малой Азии, имевшие целью сбор подати. В 430 г. до н.э. Мелесандр с эскадрой из шести кораблей совершил плавание к берегам Карии и Ликии (Thuc. II. 69. 1–2; Paus. I. 29. 7; TAM. I. 44a, 45), а в 428 г. до н.э. Лисикл также возглавил экспедицию афинян в район Карии (Thuc. III. 19. 1–2)⁵³. В марте 414 г. до н.э. афинский стратег собирал подати в Эфесе (IG. I². 302 = Tod. 75). Поддержку Аморга обеспечивали возможность афинского военного присутствия в Малой Азии и регулярное поступление фороса⁵⁴. К тому же афиняне в это время предпринимали меры по строительству ряда укреплений в Малой Азии, в частности, укреплений Теоса (Thuc. VIII. 16. 3; 20. 2)⁵⁵. Все эти факторы могли послужить в глазах афинского народного собрания и должностных лиц достаточными причинами для того, чтобы пренебречь договором с царем и оказать помощь Аморгу. Необходимо учитывать также и тот факт, что политика по поддержанию противников персидского царя в V в. до н.э. была, в принципе, традиционной для Афин. Особенно ярко она проявилась в отношениях Афин и Египта в период мятежа Инара в 459–454 гг. до н.э.⁵⁶

В свою очередь персы были объективно заинтересованы в ослаблении афинского влияния в Малой Азии и в полном восстановлении своего контроля над малоазийскими и островными греками. Средством к этому должен был стать союз со Спартой, благоприятные условия для которого сложились в связи с поражением Афин в Сицилии. Именно сицилийская катастрофа афинян привела к значительным изменениям в расстановке политических сил в Восточном Средиземноморье. С началом Ионийской войны Афины и Персия вновь оказались в состоянии вражды⁵⁷. Но, в отличие от времени Греко-персидских войн, в период Пелопоннесской войны афиняне не оставляли попыток прекратить взаимную конфронтацию, заключив мир и даже союз.

В целом, характеризуя Эпиликов мирный договор, следует отметить, что он представлял собой определенный этап развития греко-персидских договорных отношений

⁵³ Об этих экспедициях подробнее см. *Eddy. Op. cit. P. 254 f.*; *Keen A.G. Athenian Campaigns in Karia and Lykia during the Peloponnesian War // JHS. 1993. CXIII. P. 152–156.*

⁵⁴ С. Ружичка считает, что содержание афинских отрядов и стратега в Западной Анатолии было вызвано обеспокоенностью афинян, что пока большая часть их флота и много голплитов участвуют далеко на западе в Сицилийской экспедиции, антиафинские группы в анатолийских греческих городах могут получить возможность низвергнуть местные демократии и порвать с Афинами. Аморг же, осознавая афинское беспокойство, вероятно, предложил соглашение о взаимопомощи, по которому он должен был помогать Афинам ликвидировать какую-либо угрозу их контролю над анатолийскими городами в обмен на помощь в борьбе с персидским сатрапом Тиссаферном (*Ruzicka. Op. cit. P. 10–11.*)

⁵⁵ *Wade-Gery. Op. cit. P. 223.* Позднее укрепления Теоса были разрушены спартамцами и Тиссаферном.

⁵⁶ Об афино-египетских отношениях в V в. до н.э. см. *Salmon P. La politique Egyptienne d'Athènes (VIe et Ve siècles avant J.-C.). Bruxelles, 1965.*

⁵⁷ Ученые расходятся в определении степени влияния афинской катастрофы в Сицилии на решение царя вступить в войну на стороне Спарты. Если Д. Кэган прямо заявляет, что поражение афинян в Сицилии предопределило решение царя вступить в войну на стороне Спарты, то Д. Льюис допускает возможность, что выбор царя был сделан не столько под влиянием известий о поражении афинян в Сицилии, сколько в ярости от афинской поддержки Аморга и убеждения, что Афины скованы в своих действиях войной в Сицилии (ср. *Lewis. Op. cit. P. 87. Not. 25; Kagan. Op. cit. P. 31.*)

в V в. до н.э. Вследствие содержащейся в нем новой статьи о мире и дружбе «на вечные времена», он способствовал установлению более тесных, чем ранее, дипломатических контактов между ведущим государством Греции и Персидской державой.

Э.В. Рунг

EPILYCUS' PEACE TREATY

E.V. Rung

This article is devoted to the peace treaty of Epilycus signed between Athens and Persia during the Peloponnesian War. This war had a great impact on the development of relations between Greece and Persia. On the one hand, it activated diplomatic contacts between Greek poleis and the Achaemenid Empire. On the other hand, the state of Greek theatre of operations throughout the Archidamean War (431–421 B.C.) forced the hostile poleis, Athens and Sparta, to appeal for help of Persia. A certain step in their rivalry for Persian military and financial help was the treaty named after Epilycus, Athenian ambassador to Persia. Thucydides does not mention this treaty in his *History of the Peloponnesian War*. It is only Andocides who throws some light on this treaty in his speech *On Peace with the Lacedaimonians*. Athenian honour decree for Herakleides of Klazomenai gives a contemporary evidence.

The actual reason for signing this treaty was the death of Persian King Artaxerxes I in 424 B.C. It was he who negotiated peace with Callias in 449 B.C. The analysis of Ancient Greek diplomatic practice shows that the treaty of Epilycus confirmed formally the main clauses of the Peace of Callias. But as Andocides says, it also had a new feature: the declaration of eternal friendship between Athenians and new Persian King Dareios II. The treaty of Epilycus marked strengthening of diplomatic contacts between Athens and Persia.